

На правах рукописи

СМИРНОВА Ирина Юрьевна

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ И
СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНАХ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА (1840–1860-Е ГОДЫ)**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2017

Работа выполнена в Центре истории религии и Церкви Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

Официальные оппоненты: ГЕРД Лора Александровна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела всеобщей истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук»

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения Российской академии наук»

ПЕТРОВ Александр Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра Северо-Американских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт всеобщей истории Российской академии наук»

Ведущая организация

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2018 г. в 11.00 ч. на заседании диссертационного совета Д 002.018.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт российской истории Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ИРИ РАН по адресу: г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19 и на сайте ИРИ РАН: <http://iriran.ru>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2017 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук

И. А. Устинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Диссертационное исследование посвящено истории церковно-дипломатического присутствия России в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах – проблематике, представляющей интерес как с точки зрения современных тенденций развития международных отношений, так и с точки зрения задач собственно исторического исследования. Впервые предметом научного изучения становится конкурентная борьба русской и западной дипломатий, противостояние православной Российской империи и западного латинско-протестантского мира в период острых вооруженных конфликтов и церковно-дипломатических реформ в таких этнорелигиозных регионах как Османская империя и цинский Китай – важнейших плацдармах геополитических устремлений великих держав в XIX в.

В этой связи особое значение имеет изучение истории международных отношений в XIX в., когда мировые цивилизационные процессы осуществлялись при непереносимом участии духовных миссий и церковной дипломатии, то есть когда во внешней политике великих держав религиозный фактор приобретает решающее значение. Интенсивная вовлеченность церковных институтов, миссий и организаций в продвижение и обеспечение политических, экономических и военно-стратегических интересов великих держав, приведшее к острому соперничеству не только на дипломатическом, но и на церковном поле, с особой очевидностью проявилась в середине XIX века, кульминационным событием которого стала Крымская война 1853–1856 гг. с распространением театра ее действия не только на Ближневосточный, но и на Северо-Тихоокеанский регион.

В условиях противостояния Российской империи ведущим морским державам и прежде всего Великобритании, противодействие которой российской внешней политике признается «главным звеном международных противоречий на всем протяжении азиатского материка от берега Босфора до Владивостока»¹, церковная дипломатия России встраивается в единый исторический процесс на всем евразийском пространстве, а приоритетными задачами становятся укрепление церковного и дипломатического присутствия как в Средиземноморье, так и в Северо-Тихоокеанском регионе.

Наложение церковных задач на проблематику, связанную с внешней политикой и дипломатией, требовало слаженного механизма межведомственного взаимодействия. Особенно ярко это выразилось в синодальный период: во всех случаях, когда внешнеполитические и государственные интересы требовали участия Церкви, Святейший Синод, в компетенцию которого входила миссионерская деятельность, межцерковные и межконфессиональные контакты и другие вопросы, связанные с русским церковным присутствием за рубежом, разделял свои полномочия с Министерством иностранных дел, в юрисдикции которого находились не только вопросы политических и торговых международных отношений, но и покровительство русским интересам, защита русских подданных по их делам за границей.

---

¹ Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. С. 207.

Результатом тесного взаимодействия Министерства иностранных дел и Святейшего Синода стало формирование таких структур, как Русские Духовные Миссии и консульства в Иерусалиме и Пекине, выступавшие существенным фактором российского влияния. Между тем, проблематика, посвященная разработке единой стратегии МИДа и Св. Синода в рамках стройной концепции российского церковно-дипломатического присутствия за рубежом, практически не освещена в отечественной и зарубежной историографии.

В условиях сохраняющейся тенденции вытеснения России из сферы политических, стратегических и экономических интересов ведущих держав обращение к историческому опыту церковно-дипломатического соперничества Великобритании, Франции, США и России в таких геополитически значимых регионах как Ближний и Дальний Восток, и сегодня определяющих глобальный климат международной обстановки, приобретает особую актуальность.

Подходы и методы представителей западных держав в их церковной политике, активное миссионерское проникновение в пограничные с Россией регионы при неизменном отношении к России как основному противнику в геополитическом пространстве, ответные меры со стороны Российской империи – все эти аспекты требуют серьезного научного осмысления. Изучение процессов, характерных для конфессиональной политики держав, позволяет адекватно оценивать межцивилизационные и межкультурные тенденции в современном мире, выстраивать конструктивные взаимоотношения между ведущими державами с учетом религиозной и национальной специфики регионов с точки зрения национальной безопасности и геополитических интересов России.

Степень разработанности темы

Вопросы истории церковного и дипломатического присутствия России и других великих держав в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах в XIX в. нашли отражение в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях. ***Отечественную историографию***, позволяющую выявить специфику церковно-дипломатической работы русских представителей в Святой Земле, Китае и Русской Америке, можно разделить на три периода.

В историографии ***дореволюционного периода*** были заложены основы научно-исторического подхода к изучению российского церковного присутствия за рубежом: публиковались исследования русских церковных и светских дипломатов на Православном Востоке (А. П. Бутенев, К. М. Базили, А. Н. Муравьев, архим. Порфирий (Успенский) и Антонин (Капустин), на Дальнем Востоке и в Китае (архим. Софроний (Грибовский), К. А. Скачков, архим. Авраамий (Часовников), И. Я. Коростовец, архим. Гурий (Капов), в Русской Америке (И. П. Барсуков, Д. А. Дементьев, П. Воейков, М. В. Гневушев, А. П. Лопухин, архим. Анатолий (Каменский) и мн. др.), изданы фундаментальные труды по истории Православного Востока (А. Н. Муравьев, А. С. Норов, В. Н. Хитрово, архим. Порфирий (Успенский) и Леонид (Кавелин), Н. Ф. Каптерев, А. В. Лебедев, И. И. Соколов и др.), вышли в свет монографии по истории дипломатических отношений в период Крымской войны (Г. И. Невельской, М. И. Венюков, П. В. Шумахер, А. Г. Жомини, И. П. Барсуков, А. М. Зайончковский и др.), велась активная публикация источников и справочных материалов.

Во второй половине XIX столетия наблюдается переход от описательного подхода к компаративистскому изучению конфессионального присутствия держав в Османской империи и цинском Китае (В. Н. Хитрово, прот. А. П. Попов, свящ. Ф. И. Титов, Д. С. Дмитриевский, В. Н. Аничкова, С. Д. Хитрово, иером. Николай (Адоратский). В трудах по истории межконфессиональных связей особый интерес вызывал богословский аспект вопроса о воссоединении Христианских Церквей (прот. Е. И. Попов, В. А. Соколов, П. И. Образцов и др.), мотивы же англикано-православного взаимодействия в странах Православного Востока, в Китае и Северной Америке оставались вне внимания историков.

Традиции, заложенные дореволюционными авторами, продолжили историки *русской эмиграции*. Так, ряд работ по истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме при архимандрите Антонине (Капустине) принадлежит перу архим. Киприана (Керна). Продолжалась работа по изучению деятельности Русской Духовной Миссии в Пекине (архиеп. Иннокентий (Фигуровский), Е. Сумароков, Г. А. Рар и др.) и истории православия в Северной Америке (еп. Арсений (Иващенко), П. Г. Коханик, еп. Аляскинский Григорий и др.). Важное место в русской зарубежной историографии занимает фундаментальный труд И. К. Смолича «История Русской Церкви», где отдельный раздел посвящен истории миссионерства².

В *советской историографии* конфессиональная проблематика до начала 1990-х гг. оставалась вне внимания исследователей. Вопросы внешней политики России на Ближнем Востоке в канун Крымской войны исследовались исключительно в военно-дипломатическом ракурсе (Е. В. Тарле, П. А. Чихачев, В. А. Георгиев, Н. С. Киняпина, В. И. Шеремет, В. Н. Виноградов и др.). Исключение составляют такие работы как диссертация И. А. Фомичева «Участие московского митрополита Филарета в делах Православного Востока» (1955), монография митр. Никодима (Ротова) «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» (1959), статьи, посвященные деятельности Иннокентия (Вениаминова) (В. Алексеев, А. И. Иванов, архим. Евлогия (Смирнова) и др.). В исследованиях, посвященных истории миссионерства западных держав (Н. А. Халфин, А. А. Мурадян³), убедительно показан политический характер американского миссионерства, его связь с экономическими интересами США.

В историографии по истории Северо-Тихоокеанского региона внимание ученых также было сосредоточено на внешнеполитическом и экономическом аспектах русско-китайских и русско-американских отношений (Е. Л. Штейберг, акад. А. Л. Нарочницкий, С. И. Зарецкая, Н. П. Клименко, А. Н. Хохлов, Е. Л. Беспрозванный, Г. Н. Романова и др.). Большой вклад в отечественную американистику внесли труды С. Б. Окуня, С. Г. Федоровой, А. И. Алексеева, акад. Н. Н. Болховитинова и его школы, которым принадлежит ведущая роль в изучении деятельности Российско-Американской Компании и обстоятельств

2 Смолич И.К. Миссии за пределами России / История Русской Церкви: 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 259–283.

3 Халфин Н.А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М.: Издательство Восточной литературы, 1958; Мурадян А.А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971.

продажи Русской Америки в 1867 г. Но конфессиональный аспект русского присутствия на Северо-Американском континенте оставался вне внимания ученых, что заведомо сужало степень объективности и полноту картины.

Для *постсоветской историографии* характерно более активное обращение ученых к истории русского церковного присутствия за рубежом, когда на стыке истории Церкви и истории дипломатии возникло новое направление в историографии, включавшее труды Н. Н. Лисового, В. И. Шеремета, митр. Климента (Капалина), П. В. Стегния, О. В. Анисимова, Р. Б. Бутовой, К. А. Ваха, Л. А. Герд, Л. В. Мельниковой, А. Ю. Петрова, И. Ю. Смирновой, С. Г. Шубиной и др. Введение в научный оборот новых пластов архивных документов позволило авторам по-новому оценивать различные аспекты деятельности Русских Духовных Миссий в Иерусалиме и Пекине, а также миссионерской работы в Северной Америке.

Среди многочисленных работ Н. Н. Лисового центральное место занимает монография «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.»⁴, где впервые на объемном документальном материале прослежено формирование системы российско-ближневосточных связей, осуществлявшихся одновременно по церковным и дипломатическим каналам. Им также опубликованы массивы ценных документов и важнейшие памятники отечественного палестиноведения.

На обширном архивном материале АВП РИ базируются работы В. И. Шеремета, Б. Ф. Ямилинца, Е. П. Кудрявцевой, В. М. Хевролиной, где подчеркивается церковная направленность работы русских дипломатов в Османской империи. В трудах Л. А. Герд, М. И. Якушева, К. А. Ваха, Р. Б. Бутовой и др. отражены совместные усилия представителей российской дипломатии и Церкви по укреплению церковного и дипломатического присутствия на Христианском Востоке, созданию инфраструктуры российских учреждений в Святой Земле. Л. В. Мельникова изучала вклад Русской Православной Церкви в разрешение такого крупного геополитического конфликта как Крымская война. А. Ш. Кадырбаев, исследуя военно-политическую ситуацию в Турции в контексте спора о святых местах в канун Крымской войны⁵, акцентировал внимание на роли Великобритании как ведущего игрока на ближневосточной арене. В работах Л. А. Герд и И. Ю. Смирновой исследовались методы британских дипломатов в Османской империи и Центральной Азии.

Изучая историю русского присутствия в Северо-Тихоокеанском регионе исследователи деятельности дипломатов (Е. В. Путятин, Н. Н. Муравьева-Амурского, Н. П. Игнатьева) не всегда принимали во внимание ее конфессиональный аспект (В. А. Суворов, А. С. Мамай, В. М. Хевролина, А. Ш. Кадырбаев, Н. Ф. Лещенко и др.). В 1990-х гг. возобновился интерес к истории РДМ в Пекине (архим. Августин (Никитин), свящ. Дионисий Поздняев, протодиакон В. А. Марущак и др), со временем и светские авторы пришли к

4 Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.

5 Кадырбаев А. Ш. Разведывательная миссия адмирала графа Е. В. Путятин в Османской империи (1849–1850) // Восточный архив. 2009. №1. С. 22–33.

необходимости совмещать проблематику политическую и конфессиональную⁶.

Взаимодействию представителей Русской Православной Церкви и дипломатии в Китае посвящены труды А. С. Ипатовой, С. А. Шубиной, С. Г. Андреевой, М. М. Плотниковой и др. Появился ряд исследований по истории миссионерского присутствия в Китае отдельных держав (А. Л. Анисимов, А. М. Терехов, В. Г. Дацышен, А. В. Тиваненко и др.). При этом вне внимания исследователей остался вопрос о деятельности зарубежных инославных миссий в 1840–1860-е гг. – ключевой период в российской политике на Дальнем Востоке.

В 1990-е гг. историография по вопросам русского присутствия в Северной Америке была восполнена рядом фундаментальных трудов акад. Н. Н. Болховитинова и Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН⁷. В работах митр. Климента (Капалина), А. Ю. Петрова, А. Н. Ермолаева, М. Г. Малахова, И. В. Савельев и др. изучалось взаимодействие представителей РАК и Русской Православной Церкви в российской политике на Дальнем Востоке. За последние годы появились труды о видных представителях России в истории Русской Америки (А. В. Гринев, И. А. Курляндский, А. Ю. Петров, В. В. Ружейников, А. Н. Хохлов и др.). При этом вне внимания исследователей осталось участие в церковно-государственной политике России на Ближнем и Дальнем Востоке крупного церковного дипломата митрополита Филарета (Дроздова), отзывами которого по вопросам церковной политики за рубежом руководствовалось не только синодальное, но и дипломатическое ведомство.

В *зарубежной историографии* XIX–XXI вв. исследования конфессионального характера занимали равноправное место наряду с трудами по истории развития международных и дипломатических отношений. Вопросами миссионерского присутствия в Святой Земле России и других держав в XIX в. занимались П. Каролидес, Ф. Дж. Ставру, Д. Хопвуд, К. К. Папулидис, Д. Стаматопулос, Э. Г. Халкиадакис, А. Л. Тибави, Э. Рот, М. Элиав и др. В работах С. Рансимэна и Дж. Фэйри подчеркивается роль британской дипломатии в избрании восточных патриархов. А. Анастассиадис и Д. Вовченко справедливо связывают нестабильность ситуации в Средиземноморье с колониальной политикой европейских держав и активизацией протестантского и католического присутствия. Не ослабевает интерес к истории англо-прусской епископии в Иерусалиме (Ч. Г. Черчилль, Г. де ла Ро, М. Верит, Г. Горен, К. Кромби) как ключевому событию в истории миссионерского присутствия великих держав в Святой Земле. Истории миссионерского движения в Китае и Северной Америке (прежде всего на Аляске и в Калифорнии) посвящены работы Е. Стока, Г. Монтгомери, К. Гордон-Камминг, Х. Брэдли, П. Т. Муна, Р. Такер, еп. Григория (Афонского), Р. Пьера, прот. Михаила Олекса, Л. Т. Блэк и

6 Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013.

7 История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. / Отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). М., 1997; Т. 2: Деятельность Российско-Американской компании (1799–1825). М., 1999; Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). М., 1999.

др.). В трудах Дж. Вильямса, В. Эмхарта, Р. Уиллера, Б. Геферта исследовалась проблематика англикано-православных отношений, позволяющая проследить развитие межконфессиональных связей до начала XXI в.

Таким образом, на протяжении XIX–XXI вв. сформировался широкий круг научной литературы и печатных источников, посвященных конфессиональному присутствию великих держав в разных регионах. Между тем, проблематика, связанная с российским церковным присутствием в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах в контексте координирующей деятельности российского МИДа и Св. Синода и в условиях церковно-миссионерской и дипломатической конкуренции, остается совершенно неисследованной в отечественной и зарубежной историографии.

Объектом исследования является многофакторный процесс, направленный на развитие российского церковного присутствия в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах (в Святой Земле, Китае и Северной Америке) в 1840–1860-е годы в условиях политической и конфессиональной конкуренции великих держав – Франции, Великобритании, Соединенный Штатов Америки.

Цель исследования – представить объективную картину организации зарубежного церковного присутствия России в середине XIX в., что позволит выявить роль церковной составляющей политики России в осуществлении ее национальных и геополитических задач.

Задачи:

Сложный и противоречивый характер явлений и процессов, входящих в комплекс церковно-дипломатических и межконфессиональных отношений России и других ведущих держав при политическом и духовном проникновении в те или иные страны Ближнего и Дальнего Востока, определил следующие задачи диссертационного исследования:

1. Выявить и исследовать основные направления развития российского церковного присутствия в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах в середине XIX в. (1840–1860-е гг.) в контексте внешней политики великих держав.

2. Проанализировать характер и итоги изменений в церковной политике России в канун и после Крымской войны.

3. Изучить особенности и выявить результаты межведомственного взаимодействия Министерства иностранных дел и Святейшего Правительствующего Синода в проведении церковной политики России в Ближневосточном регионе и миссионерской работы на Дальнем Востоке.

4. На впервые введенных в научный оборот архивных документах и опубликованных источниках показать роль и личный вклад наиболее выдающихся представителей российской дипломатии и Русской Православной Церкви в формировании стратегии русского духовного присутствия в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах.

5. Выявить специфику русского духовного присутствия в Святой Земле, Китае и Русской Америке при взаимодействии Русских Духовных Миссий со светскими структурами (консульствами в Иерусалиме и Пекине, правлением Российско-американской компании) в зависимости от региональных задач российской политики.

6. Проследить причины и методы реформирования Русской Духовной Миссии в Пекине в 1860–1863 гг. в ракурсе международной ситуации на Дальнем Востоке;

7. Вскрыть и показать предпосылки и мотивацию расширения российского церковного присутствия в Северной Америке в контексте общих тенденций в русской политике на Дальнем Востоке на примере изменения границ Камчатской, Курильской и Алеутской епархии вплоть до образования первой «американской» епархии Русской Православной Церкви с кафедрой в Сан-Франциско (1870);

8. На документах российских и зарубежных архивов исследовать предпосылки, характер и масштаб религиозного присутствия и конфессиональной конкуренции великих держав – России, Великобритании, Франции, США – на Ближнем и Дальнем Востоке в канун и после Крымской войны;

9. Исследовать особенности развития межцерковных отношений Русской Православной Церкви с Поместными Церквями на Ближнем Востоке в условиях политической ситуации на Ближнем Востоке в исследуемый период;

10. Изучить характер межконфессиональных связей Русской Православной Церкви с епископальными Церквями Англии и США в контексте взаимодействия и противостояния великих держав на Ближнем и Дальнем Востоке в 1840–1860-е гг.

Хронологические рамки исследования (1840–1860-е годы) определяются активизацией церковно-дипломатического присутствия России в Османской империи, Китае и Северной Америке на фоне внешнеполитического и миссионерского проникновения великих держав в указанные регионы. Это – период от Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг., положивших начало конкуренции великих держав в Святой Земле, и начала «открытия» цинского Китая и до конца 1860-х гг. – времени стабилизации российского церковного присутствия за рубежом. Это годы основных реформ в системе церковно-дипломатических учреждений – Русских Духовных Миссий в Иерусалиме (1843–1866) и Пекине (1859–1863), изменения границ Камчатско-Курильско-Алеутской епархии Русской Церкви от ее учреждения (1840) до образования епархии Алеутско-Аляскинской (1870).

На протяжении 40–60-х годов XIX в. усилиями светских и церковных дипломатов выработывался курс государственной стратегии России в пограничных регионах, где духовное и политическое присутствие России в условиях конкуренции с западными державами являлось важным фактором в системе международных отношений.

Территориальные рамки исследования:

В географическом отношении исследование охватывает Ближневосточный и Северо-Тихоокеанский регионы (ближневосточные вилайеты Османской империи, Китай, Русская Америка и российские территории Дальнего Востока). К объектам церковной политики России на Ближнем Востоке относились канонические территории Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского Патриархатов (Палестина, Ливан, Сирия, Иордания, а также Египет).

Северо-Тихоокеанский регион включает территории Дальнего Востока, Северной Америки с выходом в Тихий океан (совр. США, Канада, Мексика), а

также цинского Китая. Деятельность Камчатско-Курильско-Алеутской епархии распространялась как на территории колоний Российско-Американской Компании, так и на русский Дальний Восток, входивший в состав Восточной Сибири, претерпевшей в исследуемый период заметные перемены в связи с закреплением за Россией Приамурья и Приморья. В соответствии с территориальными изменениями менялись и границы Камчатской епархии.

В состав цинского Китая в XIX в., помимо собственно китайских провинций, входили Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет. В настоящем исследовании нас интересовал собственно ареал действия Русской Духовной Миссии в Пекине, а также область распространения деятельности инославных миссионеров, включавшей Центральный Китай и портовые города.

Источниковая база исследования.

Исследование опирается на широкий комплекс источников центральных российских архивов: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Основной комплекс источников по теме исследования хранится в АВПРИ в фондах Главного Архива Санкт-Петербурга (Ф. 161) и посольства в Константинополе (Ф. 180), РГАВМФ в фондах управляющих Морским министерством (Ф. 19, 224) и Канцелярии Морского министерства (Ф. 410), РГИА в фондах Святейшего Синода (Ф. 796) и Канцелярии Святейшего Синода (Ф. 797). Личные фонды государственных и церковных деятелей – российских дипломатов и иерархов Русской Православной Церкви – отложились в НИОР РГБ, ОР РНБ, РГИА и др. архивах. К важнейшим источникам по данной проблематике относятся документы фондов великого князя Константина Николаевича (ГАРФ. Ф. 722, РГАВМФ. Ф. 224), обер-прокурора А.П. Толстого (НИОР РГБ. Ф. 302), митрополита Московского Филарета (НИОР РГБ. Ф. 316, РГИА. Ф. 832), графа Е.В. Путятина (РГАВМФ. Ф. 432) и др.

Документальную базу настоящего исследования составили отчеты Министерства иностранных дел, дипломатическая переписка (корреспонденция российских посланников в Константинополе, Пекине, Вашингтоне, консулов в Бейруте, Иерусалиме) по церковным и политическим вопросам, делопроизводство российских ведомств (МИД, Морское министерство, Св. Синод и др.), касавшееся конфессиональной политики России и других держав, в том числе Русских Духовных Миссий в Иерусалиме и Пекине, личная переписка, материалы мемуарного характера. Важное значение имел личный фонд А.Н. Муравьева (НИОР РГБ. Ф. 188), в котором отложились послания Восточных Патриархов, адресованные Святейшему Синоду и российским императорам, частная переписка Муравьева с восточными патриархами, российскими иерархами и дипломатами (А.П. Бутеневым, К.М. Базили, В.П. Титовым, Н.П. Игнатьевым и др.), представителями инославных Церквей.

В работе также использовались документы и материалы зарубежных архивов: Архива Института рукописей Национальной библиотеки Украины им.

В.И. Вернадского, Архива министерства иностранных дел Австрии (Вена), Архива Русской Духовной Миссии (Иерусалим), Национального архива Великобритании и архива библиотеки Ламбетского дворца (Лондон), Центра Ближнего Востока (Оксфорд), архива Кинг'с колледжа (Кембридж) и др.

Всего в работе используется более 100 единиц хранения из 46 фондов 8 центральных архивных хранилищ России и 8 зарубежных архивов, а также около 70 опубликованных источников. Широкий круг источников различного характера обеспечил надежную историко-документальную базу для исследования механизмов взаимодействия дипломатических и церковно-миссионерских структур великих держав – России, Франции, Великобритании, что позволяет делать обоснованные выводы по указанной проблематике.

Методологические подходы и методы исследования.

Методологической основой работы является принцип научного историзма, предполагающий изучение явлений в широком контексте их генезиса, развития, разносторонних причинно-следственно связей. Изучение методов и приемов православных и инославных миссий, принципов и подходов российской и европейской дипломатии в конкретных временных условиях, выделение основных этапов развития миссионерского и дипломатического присутствия, а также эволюции межцерковных и межконфессиональных отношений послужило основой для реконструкции исторической картины распространения русского и европейского влияния в указанных регионах. Понимание конкретных условий и механизмов проникновения держав (миссионерского, экономического, военного и проч.) в страны Дальнего и Ближнего Востока позволяет оценить тенденции и проблематику современных международных отношений.

Для объективной реконструкции системы политических и межконфессиональных отношений между державами, выявления конкретных условий и механизмов их проникновения в страны указанных регионов использовались методы сравнительно-исторического и системного анализа. Сравнительный анализ одновременного развития российских, западноевропейских и американских школьных, научных и гуманитарных программ и проектов позволяет глубже раскрыть роль России и Русской Церкви по отношению к местному населению – православному в странах Христианского Востока и языческому в странах Дальнего Востока и Русской Америки – в противодействии политической и духовной экспансии Запада.

Применение синхронического метода позволило установить взаимосвязи между процессами, протекавшими в одно и то же время в сфере российской и европейской церковной и светской дипломатий в разных регионах накануне и после Крымской войны, а также выявить характер миссионерской активности католических, протестантских и православных миссий и организаций.

Структурно-функциональный метод позволяет рассматривать развитие церковного присутствия России в Святой Земле, Пекине и Русской Америке в таких его проявлениях как отношения между различными церковными и государственными структурами, миссионерская работа, конфессиональные контакты с другими христианскими Церквями в контексте парадигмы международных отношений Российской империи и других великих держав.

При обращении к деятельности конкретных участников церковно-

дипломатической работы использовался микроисторический и просопографический подход. Пристальное внимание к личностным и частным характеристикам действующих лиц расширяет возможности анализа, повышая степень объективности исследования.

Теоретические положения документально подтверждены данными документально-исторических источников, для анализа которых использовались методы архивоведения и источниковедения. При рассмотрении различного рода документальных материалов применялась методика критического анализа.

Комплексный подход как наиболее эффективный при изучении многофакторных исторических процессов позволяет проследить эволюцию церковно-дипломатических отношений России и западных великих держав в указанный период, выявить закономерности взаимодействия церковных и дипломатических структур на России на Ближнем и Дальнем Востоке. Без системного анализа факторов, из которых складывался феномен российского церковно-миссионерского зарубежного присутствия, невозможно объективно оценить итоги, значение и масштаб русской работы на Ближнем и Дальнем Востоке.

Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью проблем церковно-дипломатического присутствия России в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах в середине XIX в. в условиях политической и конфессиональной конкуренции великих держав.

1) Диссертация представляет собой первое комплексное исследование церковного и дипломатического присутствия России в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах, его целей и задач как неотъемлемой составляющей внешней политики России на фоне обострения политической ситуации накануне и в первое десятилетие после Крымской войны (1840–1860-е гг.). Русская церковная политика впервые рассматривалась при этом в контексте конфессиональной политики великих держав – Великобритании, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов, их миссионерской активности на территории России и в пограничных с ней регионах;

2) Становление церковно-дипломатического присутствия России в Османской империи, Китае и США в 1840–1860-е гг. впервые исследовалось как результат взаимодействия различных ведомств (Министерства иностранных дел, Морского министерства, Святейшего Синода и др.) по созданию и координированию системы церковных и дипломатических представительств в указанных регионах. Выявлены роль и масштаб межведомственного взаимодействия и конкуренции;

3) Впервые рассмотрены основные этапы формирования концепции российского присутствия в Святой Земле и Китае в исследуемый период; определены основные схемы, механизмы и принципы принятия решений на примерах учреждения (1847) и возобновления (1857) Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и преобразования Русской Духовной Миссии в Пекине (1860–1863);

4) Определены типы и задачи зарубежных Русских Духовных Миссий, их региональная специфика и взаимовлияние;

5) Осуществлено исследование конфессиональной составляющей в дипломатии великих держав. Исследованы методы и приемы католических и

англиканских (британских и американских) миссий. Выявлено и введено в научный оборот более ста новых источников из российских и зарубежных архивов по истории церковно-дипломатических взаимоотношений России, Великобритании и США, Франции на Ближнем и Дальнем Востоке в середине XIX в.;

6) Процессы становления и развития межцерковных и межконфессиональных связей впервые рассматривались в ракурсе политической и миссионерской активности великих держав;

7) Выявлена роль светских и церковных дипломатов (граф Е.В. Путятин, граф Н.Н. Муравьев-Амурский, граф Н.П. Игнатьев, митрополиты Московские Филарет (Дроздов) и Иннокентий (Вениаминов) и др.) в формировании стратегии российского присутствия на Дальнем Востоке и в Русской Америке;

8) Исследован процесс учреждения Алеутско-Аляскинской епархии с кафедрой в Сан-Франциско (первой русской православной епархии в США).

Положения, выносимые на защиту:

1. Ключевым событием, определившим активизацию конфессиональной конкуренции великих держав в Святой Земле, стало подписание Лондонских конвенций (1840–1841 гг.). Стимулирующее воздействие на становление русского церковного присутствия в Святой Земле оказало учреждение в 1841 г. англо-прусской епископии в Иерусалиме.

2. При формировании внешнеполитической стратегии как в Ближневосточном, так и в Северо-Тихоокеанском регионах (в Святой Земле и Китае) российский МИД опирался на потенциал Русских Духовных Миссий в Иерусалиме и Пекине как церковно-дипломатических представительств МИДа и Святейшего Синода.

3. В канун Крымской войны (1840-е – начало 1850-х гг.) использование британской и французской дипломатиями конфессиональных и межцерковных конфликтов преследовало целью ослабление влияния и авторитета России на Христианском Востоке.

4. В Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах работа дипломатов осуществлялась с использованием не только военно-экономических, но и миссионерских каналов, что позволяет рассматривать миссионерское движение в качестве одного из универсальных и эффективных инструментов в политике великих держав.

5. Со стороны России в отношении Христианского Востока на первый план были выдвинуты приоритеты церковные – защита православия на Востоке, укрепление соборности Поместных Церквей.

6. Ошибочный внешнеполитический курс России на Ближнем Востоке в канун Крымской войны, недооценка значения Сирии и Палестины стали главными причинами, приведшие Россию к военному столкновению с лидирующими европейскими державами.

7. Приоритетной задачей российской политики послевоенного периода стало восстановление авторитета России как великой державы, что потребовало реорганизации системы дипломатической и церковной работы как в Ближневосточном, так и в Северо-Тихоокеанском регионах.

8. Сравнение процессов реорганизации Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1857) и Русской Духовной Миссии в Пекине (1860–1863)

позволяет говорить о едином механизме в решении проблем церковного присутствия за рубежом и координации работы светских и церковных представительств.

9. Специфика Русских Духовных Миссий за рубежом (в Иерусалиме, Пекине, Русской Америке) определялась региональными особенностями, конфессиональной ситуацией в регионе. Различия их методов работы и механизмов управления из Петербурга определили перспективы развития русского присутствия в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах.

10. Церковная политика как в Святой Земле, так и в Китае носила преимущественно пассивно-реактивный характер – активизация российского церковного присутствия служила ответной мерой российской дипломатии на институционализацию религиозного и дипломатического присутствия католических и протестантских держав в указанных регионах.

11. Формирование русского церковного присутствия в Северо-Тихоокеанском регионе сопровождалось изменением административных границ Камчатско-Курильско-Алеутской епархии, завершившимся образованием Алеутско-Аляскинской епархии с кафедрой в Сан-Франциско (1870). Целесообразность изменения епархиальных границ определялась национальными интересами России на Дальнем Востоке и задачей сохранения православия в Северной Америке.

12. Церковная политика России на Ближнем и Дальнем Востоке, несмотря на региональные особенности и политическую специфику, осуществлялась по единой схеме взаимодействия МИДа и Св. Синода и их представительств в Иерусалиме и Пекине.

13. Совместная работа Министерства иностранных дел и Святейшего Синода по выстраиванию и координированию системы церковно-дипломатических структур в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах привела к формированию ключевых опорных центров противодействия великим державам (Великобритании, Франции и США) и сдерживания их политического проникновения в пограничные с Россией государства.

Практическая значимость работы.

Изученный в исследовании опыт церковно-дипломатического взаимодействия МИДа и Св. Синода в российской политике в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах может быть учтен при формировании современной системы государственно-конфессиональных и международных отношений. Материалы и выводы диссертации могут быть полезны историкам России, Русской Церкви и российской внешней политики, политологам и дипломатам с точки зрения информационного ознакомления и конкретного использования в разработке современных моделей церковной политики России в Израиле, Палестине, Китае и других странах Ближнего и Дальнего Востока, а также для участия в осуществлении межконфессионального диалога и многосторонней миротворческой деятельности.

Результаты исследования могут быть использованы научным сообществом при проведении компаративных исследований, написании обобщающих работ по истории межцерковных и межконфессиональных, межрелигиозных отношений и церковно-дипломатического присутствия России

в различных регионах; могут быть полезны при разработке учебных курсов и пособий по истории русской дипломатии, истории Русской Православной Церкви и ее связей с другими Христианскими Церквями.

Достоверность и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов проведенного исследования определяется широтой использованных исторических источников, включающих в себя документы 44 фондов 8 центральных архивных хранилищ России и 8 зарубежных архивов (всего 134 единицы хранения).

Основные положения исследования отражены в 67 публикациях общим объемом 149,4 п. л., в том числе в 4 монографиях общим объемом 89,0 п. л. Опубликовано 63 научные статьи (60,4 п. л.), в том числе 19 статей в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ (18,6 п. л.), 44 статьи в иных журналах и сборниках (общим объемом 41,8 п.л.). Подготовлено 11 публикаций архивных документов (общий объем документов 47,0 п.л., авт. текст 6,5 п.л.).

Материалы исследования опубликованы в ведущих периодических изданиях России, включая журналы «Российская история», «Отечественные архивы», «Государство, религия, Церковь в России и за рубежом», «Дипломатическая служба», Электронный научно-образовательный журнал «История» и др., а также в журнале «Восточноевропейское обозрение».

Результаты исследования были представлены в научных докладах на 37 конференциях, в том числе 15 российских и 8 зарубежных международных конференциях и семинарах: «Периферия культуры и границы текста» (2008, 2014, 2015, 2017); Международные Рождественские образовательные чтения (Москва, 2010); международные конференции Императорского Палестинского Православного Общества (2009, 2010, 2013, 2014, 2016); «Архивное востоковедение» (Москва, ИВ РАН, 2009, 2011, 2014, 2017); «Россия – Британия: Взаимодействие культур и социумов» (Москва, ИВИ РАН, 2014, 2017); «Круглый стол “230-летие основания первых русских поселений в Америке и 220-летие становления Православия в Америке”» (Москва, Центр североамериканских исследований ИВИ РАН, 2014); XXXV Международный семинар исторических исследований «Земли и народы. От Рима к Третьему Риму» (Рим, 2015); «От Константинополя до Кентербери: Англикано-православные связи в XIX и XX веках» (Оксфорд, 2015); «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» (Москва, ВШЭ, 2015, 2016); «От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина)» (Далматово, 2016); «Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX – нач. XX веков» (Иркутск, 2017); «Диалог и противостояние Запада и России. История и современность» (Москва, ИВИ РАН, 2017); 49-я ежегодная конвенция Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (Чикаго, 2017).

Положения диссертации обсуждались на заседаниях Центра истории религии и Церкви ИРИ РАН. (25 февраля 2014 г., 26 апреля 2016 г., 23 мая 2017 г.).

По теме исследования проводилась работа над проектами в рамках грантов РГНФ: «Проблемы взаимодействия русских учреждений в Святой

Земле (XIX–XX вв.): Русская Духовная Миссия – Генеральное Консульство – Императорское Православное Палестинское Общество» (№ 08-01-00184а (и); «Великие державы в Святой Земле: взаимодействие и конкуренция. XIX–нач. XX вв.» (№ 10-01-00532 а/П (и), «Российская политика на Православном Востоке в сер. XIX в: митрополит Московский Филарет (Дроздов) и развитие межцерковных связей (№ 11-61-00002а/П а(р); «Дипломатическое и церковное присутствие России, Великобритании и Соединенных Штатов Америки на Православном Востоке (XIX–начало XX в.)» (№ 13-61-01000 а/П (и)); «Россия и Франция у Гроба Господня: европейская политика и культурное сотрудничество (XIX-нач. XX)» (№ 15-61-01002а/П (и); «Эпистолярное наследие А. Н. Муравьева как востоковедческий ресурс» (№ 15-61-01005а (р). Принимала участие в программе РАН «Исторический опыт сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности» (проект «Империя и Церковь в истории России: духовные основы политики, национальной безопасности и русского присутствия в мире (XVIII–нач. XX вв.)», 2015–2017 (и).

Научная деятельность в рамках диссертационного исследования была отмечена присуждением звания лауреата премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) (2-я премия в номинации «История Православной Церкви», Москва, 2014–2015 гг., присужденная за монографию «Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей» (М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2014), а также званием лауреата XII конкурса «Просвещение через книгу» (за монографию «Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2016).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем работы диссертационного исследования составляет 530 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертации определяется актуальность темы исследования, ее новизна, формулируются цель и задачи исследования, используемые методы и методологические подходы, определяется практическая значимость, достоверность и апробация работы, содержатся положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Источники и историография вопроса»** рассматриваются основные отечественные и зарубежные исследования, посвященные формированию церковного и дипломатического присутствия России и других великих держав в Ближневосточном и Северо-Тихоокеанском регионах в 1840–1860-е годы, показано формирование основных подходов, анализируются группы источников, на которые опирается диссертационное исследование.

Следующие три главы посвящены истории развития церковного и дипломатического присутствия России и других великих держав в Святой Земле и на Христианском Востоке в целом в 1840–1860-е гг.

Во второй главе «**Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. и конфессиональная ситуация в Святой Земле**» рассматриваются политические и конфессиональные аспекты миссионерского проникновения ведущих держав в Сирию и Палестину в 1830–1840-е гг. В первом параграфе (2.1. **Конфессиональный аспект восточного вопроса**) рассмотрено религиозное и дипломатическое противостояние Франции, Великобритании, США и России в контексте их внешней политики в Османской империи.

Католическая активность в Сирии и Палестине была напрямую связана с вопросом о принадлежности святых мест и политикой Римского Престола, направленной на подчинение Христианского Востока духовному влиянию Рима. При поддержке французской дипломатии с середины 1830-х гг. в Святой Земле, на территории Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов активно действовали различные католические общины, используя в качестве эффективных мер политического и религиозного влияния гуманитарно-образовательные проекты. К началу 1840-х гг. Франция имела в Сирии и Палестине прочные позиции, опираясь на католическое или перешедшее в унию арабское население.

Стратеги британской политики (лорд Пальмерстон, граф Шефтсбери, послы в Константинополе лорд Понсонби, сэр Стрэтфорд Каннинг) после подписания Ункяр-Искелесийского договора сделали ставку на усиление протестантского присутствия в Святой Земле в качестве способа продвижения британских колониальных интересов. В конце 1830-х гг. ими была сформулирована концепция, предполагавшая установление, по примеру Франции и России, британского протектората над протестантскими подданными султана и придание официального статуса британским учреждениям в Святой Земле. В качестве объекта будущей «английской нации» рассматривались группы населения, на которые не распространялось покровительство Франции и России (евреи, друзы и христиане нехалкидонских общин). В июле 1838 г. было получено разрешение на открытие британского вице-консульства в Иерусалиме; в октябре того же года был поставлен вопрос об учреждении протестантской епископии, юрисдикцию которой предполагалось распространить на весь Ближний Восток.

Для России указанный период был временем становления и развития межцерковных отношений с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами, когда после заключения Ункяр-Искелесийского договора стали возможны реальные шаги по развитию русско-иерусалимских и русско-антиохийских связей, а покровительство православным подданным Оттоманской империи стало признаваться в России как один из ключевых аспектов ее внешней политики в Ближневосточном регионе. С этой целью в 1839 г. в Бейруте было учреждено российское консульство, в задачи которого, помимо надзора за русскими паломниками к святым местам Палестины, входило урегулирование межконфессиональных конфликтов в Святой Земле, контроль за использованием поступавших из России средств, оказание помощи в сфере образования православного духовенства Сирии и Палестины. После подписания Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. в работе дипломатов на Ближнем Востоке церковный фактор начал восприниматься в качестве приоритетного инструмента политического влияния, а первым итогом

дипломатических усилий становится институционализация конфессионального присутствия в Сирии и Палестине.

Во втором параграфе (**2.2. Учреждение англо-прусской епископии в Иерусалиме**) рассмотрены цели создания протестантской англо-прусской епископии в Иерусалиме (1841). Установление британского протектората над протестантами Османской империи преследовало цель расширения британского присутствия и ослабления влияния России на Ближнем Востоке. Заинтересованным лицом в создании иерусалимской епископии выступил также король Фридрих-Вильгельм IV, расценивавший участие в проекте Шефтсбери–Пальмерстона как шанс официально закрепиться Пруссии в Святой Земле.

О значении, которое придавало правительство Великобритании к учреждению епископии в Иерусалиме говорит тот факт, что в палате лордов был принят специальный законопроект, позволявший главным прелатам Английской Церкви посвящать епископов в страны, не являвшиеся доминионами Великобритании (билль от 5 октября 1841 г.). 7 ноября 1841 г. состоялось посвящение в епископы Михаила Соломона Александра, юрисдикция которого охватывала весь ближневосточный регион. Таким образом сфера деятельности иерусалимской епископии распространялась на территории, относившиеся к юрисдикции Иерусалимского, а также Антиохийского, Александрийского и даже Константинопольского Патриархов. Отправление на Ближний Восток совместной англо-прусской церковной миссии встретило решительную оппозицию как со стороны Порты, так и со стороны европейских дипломатических представительств, что повлекло существенные ограничения в работе первого епископа, но несмотря на это официальное учреждение протестантской епископии послужило катализатором миссионерской активности в Святой Земле.

В третьем параграфе (**2.3. Американские миссионеры на Христианском Востоке**) рассмотрены принципы и методы американских миссионеров на Христианском Востоке. После объявления Протестантской Епископальной Церкви в Северо-Американских Соединенных Штатах «миссионерской» (1835) американские епископы, при направлении миссионеров на Христианский Восток, декларировали принцип невмешательства в юрисдикцию Православных Патриархов. Вместе с тем в американских церковных кругах сохранялось отношение к Православным Поместным Церквам как к «идолопоклонническим, схизматическим и еретическим», а потому прямой и главной обязанностью американских миссионеров в отношении православных было их исправление в духе англиканской доктрины. С разрешения православных иерархов в Греции была создана сеть учебных заведений, программы которых были нацелены на обращение православных греков в протестантизм. Переписка митрополита Филарета (Дроздова), обер-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова, А. С. Стурдзы, а также российских посланников при Порте позволяет реконструировать конфессиональную ситуацию на Христианском Востоке и выявить политическую роль англо-американского миссионерства.

Четвертый параграф (**2.4. Русский ответ на англо-американские инициативы**) посвящен рассмотрению мер российского Министерства иностранных дел и Св. Синода в связи с ростом католического и

протестантского церковно-дипломатического присутствия в Сирии и Палестине. Дипломатические донесения из посольств в Лондоне и Константинополе, послания экс-Патриарха Вселенского Константия I и Мефодия Антиохийского об учреждении англо-прусского протестантского епископства в Иерусалиме (1841) и двойственном характере англо-американского миссионерства потребовали от российского Министерства иностранных дел принятия решений по пересмотру курса церковной политики России в Святой Земле. Принимая во внимание политический контекст англо-американского миссионерского присутствия на Православном Востоке, следствием которого могло стать нарушение духовного единства Православных Церквей, руководство МИД в 1843 г. командировало в Иерусалим архимандрита Порфирия (Успенского), что стало первым шагом к созданию в 1847 г. Русской Духовной Миссии в Иерусалиме – первого российского церковного представительства в Святой Земле.

В третьей главе **«Великие державы в Сирии и Палестине (1840–1850-е годы)»** исследовались принципы и направления российской и британской церковной и дипломатической активности в Святой Земле в условиях обострения Восточного вопроса в канун Крымской войны. Первый параграф **(3.1. Первые английские епископы в Иерусалиме)** посвящен деятельности англо-прусской епископии при первых епископах, Михаиле Соломоне Александере и Самуиле Гобате. Миссия первого английского епископа в Иерусалиме М. С. Александера не признается успешной в отечественной историографии (прот. Ф. И. Титов, В. Н. Хитрово). Тем не менее, благодаря избранной Александром стратегии, а также его личным качествам англо-прусская епископия заняла свое место в Святой Земле. Объединив разрозненные протестантские миссии, Александр сосредоточил усилия на обращении палестинских евреев. Реализуемые при нем образовательные проекты получили высокую оценку дипломатов и историков. Проводилась работа миссионеров и среди членов Коптской Церкви. Случаи прозелитизма среди православных арабов привели к конфликту Александера не только с Православными Патриархами, но и с капелланом епископии Дж. Вильямсом, в знак протеста против отступления от заявлений архиепископа Кентерберийского покинувшего Иерусалим.

Деятельность Александера справедливо воспринималась в дипломатических кругах как стремление создать на Христианском Востоке «английскую нацию». Однако осуществлению этой программы протестантская епископия более обязана деятельности преемника Александера епископа Самуила Гобата, избрание которого В. Н. Хитрово называл «крайне удачным». Гобат опирался на поддержку британского посла при Порте сэра Стрэтфорда Каннинга, использовавшего свое влияние в Константинополе, чтобы добиться для Великобритании уступок как в военно-экономическом, так и в религиозном отношении. В отличие от Александера Гобат был официально признан Портой английским епископом в Иерусалиме и духовной главой протестантов в Османской империи, а возглавляемую им епископию признали находившейся под патронатом британского посольства. В ноябре 1850 г. был издан фирман, официально узаконивший права протестантских общин, наравне с другими конфессиями в Османской империи, что открыло путь прозелитизму среди

православного населения. А. Н. Муравьев, посетивший Православный Восток в начале 1850 г., отмечая возрастающее влияние Великобритании в Святой Земле, не исключал, что наступит время, когда Иерусалим и все святые места Палестины окажутся в руках англичан.

Реакция, последовавшая на протестантский прозелитизм со стороны православного и католического духовенства при соответствующей дипломатической поддержке, а также официальный протест клириков и мирян Церкви Англии отчасти приостановили массовый переход арабов в протестантизм накануне Крымской войны.

Во втором параграфе (**3.2. Контрмеры Патриархов и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме**) рассматриваются совместные усилия Иерусалимского и Антиохийского Патриархов, российского консульства в Бейруте и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме по противодействию инославной пропаганде в Святой Земле.

В ответ на обращения Иерусалимского и Антиохийского Патриархов в российский МИД и Св. Синод при содействии российского консульства в Бейруте и на поступающие из России деньги в Сирии и Палестине начали осуществляться образовательные программы – были открыты духовные училища, устроены арабские типографии, возвращены из унии Алеппская, Сидонская и Диарбекирская епархии; в целях материальной поддержки Антиохийского Патриархата в Москве было открыто Антиохийское подворье (1843).

Важным событием стало отправление в Иерусалим Русской Духовной Миссии (1847), при учреждении которой руководство Министерства иностранных дел принимало во внимание Русскую Духовную Миссию в Пекине, напрямую подчинявшуюся МИДу и выполнявшую дипломатические функции. Членам Иерусалимской Миссии, направленным в Иерусалим «в качестве паломников», предписывались ответственные церковно-дипломатические задачи – наблюдение за конфессиональной ситуацией в Святой Земле, осуществление совместно с консульством в Бейруте надзора за расходом денежных средств из России, содействие образованию православных арабов. Однако деятельность иерусалимской РДМ на первом этапе ее работы (1848–1854) не отличалась результативностью, что было связано прежде всего с негативным отношением иерусалимской греческой иерархии к образованию арабского духовенства и отсутствием в 1850–1858 гг. Патриарха Кирилла в Иерусалиме. Не принесла заметных плодов и материальная поддержка Антиохийского Патриархата.

И все же учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стало важным шагом для укрепления православия и дальнейшего развития русского присутствия в Святой Земле: были установлены конструктивные отношения с Иерусалимским Патриархом и Святогробской иерархией, преодолены стереотипы российских дипломатов, не желавших разделять полномочия с духовными лицами, наконец, сам факт существования в Иерусалиме Русской Духовной Миссии в канун Крымской войны позволил использовать Миссию после заключения Парижского мира в качестве форпоста русского присутствия в Святой Земле.

В третьем параграфе (**3.3. Восточный вопрос и европейская**

дипломатия) рассматриваются конфессиональные аспекты противостояния великих держав (Франции, Великобритании и России) в канун Крымской войны, анализируются методы и приемы французской и британской дипломатии на Православном Востоке. В начале 1850-х годов в фокусе европейской дипломатии оказались два церковных вопроса – о святых местах Палестины и о различиях в обрядах Русской и Восточной Церквей. Требование католических держав восстановить католическое духовенство в его прежних правах и привилегиях, расценивалось в России как повод к возобновлению спора между православными и католиками о принадлежности святых мест. Позиция русских дипломатов заключалась в сохранении status quo и избежании новых конфессиональных конфликтов. В апреле 1852 г. российские дипломаты добились издания фирмана с подтверждением преимуществ греков, однако дальнейшее развитие вопроса о святых местах послужило поводом к Крымской войне.

Деятельность британского посольства при Порте во главе с Каннингом была нацелена на подчинение церковной политики Константинопольского престола британскому влиянию. Воздействие на ход предвыборной кампании при избрании на Константинопольский престол позволяло насаждать антирусские настроения среди православного духовенства и влиятельных греков. Стремление к расколу внутри православного мира составляло ключевое звено в дипломатической стратегии Каннинга, настаивавшего на издании патриаршей энциклики о «ереси» Российской Церкви. Патриарх Анфим IV, отклонивший требования Каннинга, был вынужден оставить кафедру. Имевшая широкий резонанс полемика, инициированная клириком Английской Церкви В. Пальмером, была прекращена благодаря усилиям Патриарха Константия I, митрополита Московского Филарета (Дроздова), А. Н. Муравьева и К. Икономоса, направленным на сохранение единства Поместных Церквей и не позволившим вопросу о различиях в обрядах выйти за рамки неофициального обсуждения.

Другим важным направлением британской дипломатии была поддержка протестантских миссионеров, деятельность которых осуществлялась при тесном взаимодействии с консулами, и главным его преимуществом было наличие развитой консульской сети, охватывающей все провинции Османской империи, в чем российские дипломаты значительно уступали британским.

В четвертом параграфе (**3.4. Итоги первого десятилетия**) рассматриваются итоги развития конфессионального присутствия великих держав на Православном Востоке в 1840–1850-е гг. Сопоставление работы российских и европейских представительств в Сирии и Палестине в предкрымский период (1840–1850-е гг.) выявляет ряд серьезных недостатков российской политики в Османской империи, главным из которых было непонимание в российских верхах проблем Православного Востока. В отличие от Великобритании и Франции в России за весь предкрымский период не было сформулировано какой-либо отчетливой концепции церковного присутствия на Православном Востоке. Не придавалось должного значения и учреждению собственных российских заведений в Святой Земле: Высочайше учрежденная Русская Духовная Миссия в Иерусалиме была послана в Иерусалим неофициально; негативно сказывалось отсутствие консульств и вице-консульств

в главных городах Османской империи. Непоправимый вред российским интересам наносила англофильская позиция правительственных кругов. Приходится признать, что до Крымской войны Россия не стремилась к расширению своего дипломатического и церковного присутствия и, уступая в оперативности конкурирующим державам, обрекала себя на отставание.

После отказа от политического доминирования ради участия в «европейском концерте» российская восточная политика строилась исключительно как реакция на те или иные инициативы западных держав, при этом в течение 1840–1850-е гг. были заложены основные механизмы межведомственного дипломатического и церковного взаимодействия. Важным итогом стало восприятие Иерусалима в качестве плацдарма для продвижения политических и религиозных интересов России в Святой Земле.

В четвертой главе **«Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: межведомственное сотрудничество (1850–1860-е годы)»** рассматривается курс российской церковной политики на Православном Востоке в первое десятилетие после Крымской войны. В первом параграфе **(4.1. Россия в Святой Земле после Парижского мира)** показаны меры, предпринятые российским правительством в целях восстановления российского влияния в ближневосточном регионе. Приоритетным направлением российской дипломатии после Крымской войны становится развитие церковного присутствия России в Святой Земле, предполагавшее активизацию русского паломничества к святым местам Палестины. В этих целях при Морском министерстве было создано Российское общество пароходства и торговли (РОПИТ) во главе с великим князем Константином Николаевичем (август 1856 г.), был поставлен вопрос о возобновлении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (март 1857 г.), под патронатом императрицы Марии Александровны был учрежден Благотворительный комитет для поддержки деятельности РДМ (1857), открыто русское консульство в Иерусалиме (1858), с целью устройства паломнических подворий в Иерусалиме учрежден Палестинский Комитет под председательством великого князя Константина Николаевича. Наряду с актуализацией задач по налаживанию взаимодействия между дипломатическими, церковными и коммерческими структурами в Святой Земле, был поставлен вопрос о формировании стратегии церковной политики России в Османской империи, в основу которой был положен принцип сохранения межправославного единства и укрепление греко-российских межцерковных отношений при постоянной поддержке национальных церковных движений (балканских, арабских).

В следующих трех параграфах: **(4.2. Миссия епископа Кирилла (Наумова), 4.3. «Дело архимандрита Леонида», 4.4. Архимандрит Антонин (Капустин) и церковная дипломатия на Христианском Востоке)** исследованы особенности деятельности РДМ в Иерусалиме в первое десятилетие после Крымской войны при трех начальниках Миссии – епископа Кирилла (Наумова) (1857–1864), архимандрита Леонида (Кавелина) (1864–1865) и архимандрита Антонина (Капустина) (1865–1867).

Возобновленная в 1857 г. Русская Духовная Миссия во главе с епископом Кириллом (Наумовым) стала первым официально признанным русским учреждением в Святой Земле, которому предписывалось укрепление

отношений с иерусалимским греческим и арабским духовенством, защита православных от прозелитизма, нравственное руководство паломников, устройство для них первых русских подворий. Назначение начальника Духовной Миссии в сане епископа, как и возобновление деятельности РДМ в Иерусалиме, было инициативой Министерства иностранных дел, руководство которого действовало без учета специфики работы на Православном Востоке, используя схему, принятую в отношении к Пекинской Миссии. Водворение русского епископа в Иерусалиме без согласования с Патриархом Иерусалимским осложнило на первых порах отношения преосвященного Кирилла с Патриархом и святогробской иерархией, с другой стороны, учрежденная как независимое духовное представительство Миссия встретила с противодействием русского консульства в Иерусалиме. Следствием конфликта, возникшего из-за нечеткого разделения функций двух представительств и интриг консула А. Н. Карцова, стало удаление епископа Кирилла из Иерусалима и назначение на его место архимандрита Леонида (Кавелина) (1864).

При этом не были приняты во внимание ни дипломатические успехи Миссии при епископе Кирилле, ни налаживание конструктивных контактов с Иерусалимским Патриархом, святогробской иерархией, европейскими консулами, ни собственно церковная работа Миссии по организации русского паломничества в Святой Земле. Отозвание епископа Кирилла из Иерусалима с назначением на его место архимандрита, безусловно, было шагом назад – в то время, когда в Святой Земле активно действовали протестантская епископия и латинский Патриархат, российское правительство отзывало своего епископа, об оставлении которого в Иерусалиме ходатайствовали светские и церковные власти Иерусалима. Епископ Кирилл оказался жертвой предпринимательской активности партии Мраморного дворца, межведомственной конкуренции и несогласованности действий руководства МИДа, Св. Синода и Палестинского Комитета. Противоположные подходы этих ведомств к характеру русско-греческих церковных отношений, разноречивые инструкции из Петербурга, отсутствие поддержки со стороны Святейшего Синода – все это, вместе взятое, сыграло роковую роль в судьбе первого (и последнего) русского епископа, стоявшего во главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Не менее драматичным как для межведомственных отношений между Миссией и консульством, так и межцерковных связей Св. Синода с Иерусалимским Патриархатом было управление Иерусалимской РДМ приемником епископа Кирилла архимандритом Леонидом (Кавелиным). Проблемы русского паломничества в Иерусалиме, отсутствие дисциплины и традиционная зависимость паломников от святогробской иерархии потребовали от нового начальника РДМ строгих и непопулярных мер, вызвавших негативную реакцию как со стороны паломников, так и со стороны консула. Нестроения в РДМ, конфронтация между консулом и архимандритом, вызванные интригами и вмешательством консула во внутренние дела Миссии, спровоцировали конфликт архимандрита Леонида с Патриархом Кириллом. Главная роль в синодальном расследовании, известном как «дело о переустройстве Русской Духовной Миссии в Иерусалиме», принадлежала митрополиту московскому Филарету (Дроздову), который выступил в защиту

официального представителя Русской Церкви от неправомερных действий консула и Патриарха. Указом Св. Синода от 15 июля 1865 г. архимандрит Леонид был «временно» переведен в Константинополь, а в Иерусалим для расследования и урегулирования конфликта был командирован архимандрит Антонин (Капустин), зарекомендовавший себя опытным церковным дипломатом на посту настоятеля посольских церквей в Афинах и Константинополе.

Для нормализации ситуации в Иерусалиме Антонин предложил проект реформирования РДМ в Иерусалиме, предполагавший перемещение руководства Миссии в Константинополь с оставлением во главе иерусалимского «филиала» Миссии игумена или иеромонаха. Реализация «реформы Антонина», поддержанной посланником в Константинополе Н. П. Игнатьевым, могла бы привести к утрате русских позиций в Святой Земле и низведению РДМ до статуса домово́й церкви при консульстве в Иерусалиме, чему решительно воспротивился Филарет Московский. Когда же обер-прокурор Св. Синода графа Д. А. Толстой из-за не прекращающегося давления со стороны МИД предложил закрыть Иерусалимскую Миссию, митрополит Филарет решительно выступил в ее защиту, предложив оставить Миссию под руководством архимандрита Антонина. Так, в условиях постоянной межведомственной борьбы и взаимного непонимания между отдельными лицами и целыми учреждениями, была сохранена в Иерусалиме Русская Духовная Миссия, послужив созданию уникального историко-культурного ансамбля, известного как Русская Палестина, наиболее влиятельного фактора реального русского присутствия в Святой Земле.

Пятая глава «**Курс на межконфессиональное сближение (1850–1860-е годы)**» посвящена истории становления и развития межконфессиональных связей Русской Православной Церкви с западными инославными Церквями (Римско-Католической, Церковью Англии и Протестантской Епископальной Церковью США) в первое десятилетие после Крымской войны. В первом параграфе (**5.1. Восточный вопрос и движение к воссоединению Церквей**) рассматриваются основные направления развития православно-англиканских и православно-католических отношений в контексте внешней политики великих держав в Османской империи. После Крымской войны наряду с необходимостью укрепления межцерковных отношений Всероссийского Святейшего Синода с Православными Поместными Церквями наметились новые тенденции в сфере межконфессиональных отношений. Очередной раунд утихшего на время войны движения за так называемое воссоединение Церквей начался с обращения Папы Римского Пия IX о возвращении под его омофор «греческих схизматиков и англиканских еретиков» (1857). Действуя на Христианском Востоке в парадигме нового курса Римского престола и при поддержке французской дипломатии, католические общины активизировали свою работу не только в удаленных провинциях, но и в Константинополе. Католическое влияние заметно усугубилось после Сирийского восстания 1860 г., когда Франция с целью защиты сирийских христиан оккупировала Ливан, надолго обеспечив себе политическое преобладание в регионе.

Закономерным следствием политики римской курии стало усиление антикатолических настроений среди англиканского епископата, поднявшего в

начале 1860-х гг. вопрос о воссоединении с Греко-Восточной Церковью. Как показал анализ британских и американских источников, среди главных причин было убеждение англиканского духовенства, что союз их Церквей с Православной Греко-Российской Церковью послужит гарантом независимости и защищенности от посягательств Рима, со второй половины XIX в. активно укреплявшего свои позиции не только на Христианском Востоке, но и в Великобритании и США. Другой причиной служила «обособленность и изолированность» Англиканской Церкви, на что ссылались британские и американские клирики и ученые богословы.

Особого внимания заслуживает совместный образовательный проект экапеллана англо-прусской епископии в Иерусалиме Дж. Вильямса и адмирала графа Е. В. Путятин, предполагавший образование будущих православных клириков в специально учрежденном колледже при Кембриджском университете (1860). Приезд Вильямса в Россию позволил ему вступить в контакты с представителями высшего российского духовенства, которые, в свою очередь, рассматривали сближение с Церквями Англии и Северной Америки в качестве залога стабильности не только в церковной, но и в международной сфере.

Во втором параграфе (**5.2. От Балкан до Калифорнии: англо-американские межконфессиональные инициативы**) проанализированы мотивы возникшего в церковных кругах Великобритании и США движения, направленного на возобновление церковного общения с Русской Православной Церковью и Восточными Патриархатами. Если для английского духовенства поводом к началу переговоров послужило обострение ситуации на Балканах после Сирийского восстания 1860 г., то инициативы американского духовенства были вызваны озабоченностью в связи с ростом православной общины в Сан-Франциско и перспективой назначения в Калифорнию русского епископа.

Итогом обсуждения вопроса об англикано-православном сближении в Генеральной Конвенции Американской Церкви и Генеральной Конвокации Английской Церкви стало учреждение Греко-Восточного Комитета в США (1862) и аналогичного Комитета (1863) и Ассоциации (1864) в Великобритании. В британских и американских церковных кругах высказывалась мысль об объединении усилий двух Комитетов в предположении, что совместное обращение двух Англиканских Церквей к Всероссийскому Синоду будет более весомым и позволит избежать подозрений в политических видах. Инициаторами начавшегося движения и посредниками в переговорах с православной иерархией выступали пасторы Дж. Вильямс, Дж. Дентон, Дж. Юнг; с российской стороны активное участие в обсуждениях принимали митрополит Московский Филарет (Дроздов), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский), обер-прокуроры Св. Синода, граф Е. В. Путятин. Таким образом, в отличие от межконфессиональных контактов 1840-х гг., носивших спорадический характер, в начале 1860-х гг. начались регулярные переговоры о возможном англикано-православном сближении с участием официальных представителей епископата Английской, Американской и Греко-Российской Церквей.

В третьем параграфе (**5.3. Греко-Восточная Ассоциация и Православный Восток (1866)**) рассмотрены контакты британского духовенства

с православной греческой иерархией и представителями Русской Церкви в Святой Земле в ракурсе деятельности Греко-Восточной Ассоциации. На первых же собраниях Греко-Восточных Комитетов США и Великобритании, предполагавших первоначально переговоры с Русской Церковью, было принято решение распространить деятельность и на Православные Патриархаты Востока. В июле 1866 г. на турецкий Восток и в Святую Землю для переговоров с высшим греческим духовенством по вопросу о воссоединении Церквей был командирован Дж. Вильямс, отметивший интерес и участие к целям Греко-Восточной Ассоциации со стороны Патриархов Софрония III Константинопольского, Кирилла II Иерусалимского, Иерофея Антиохийского, членов Константинопольского и Иерусалимского Синодов.

Архимандрит Антонин (Капустин) в неоднократных беседах с Вильямсом, поселившимся на русском подворье, высказывал озабоченность прозелитической деятельностью английских миссионеров среди арабского населения. В переписке с российским посланником при Порте Н. П. Игнатьевым Антонин, отмечая политический характер протестантского присутствия, обращал внимание на симпатии и сочувствие к протестантам со стороны российских дипломатов, не способных оценить последствия прозелитизма для православия на Христианском Востоке.

В четвертом параграфе (**5.4. Политический контекст англикано-православного сближения**) рассматривается характер англикано-православного диалога и его место в российской церковной политике.

Деятельность Греко-Восточных комитетов и Ассоциации стала объектом пристального внимания ведущих британских и российских богословов, дипломатов и политиков, членов британского королевского дома и российской императорской фамилии. Главный эксперт Св. Синода по межконфессиональным вопросам митрополит Московский Филарет, учитывая опыт англикано-православных контактов в Османской империи, не исключал возможности, что Англия и Америка используют сближение с восточных иерархами в целях вытеснения России из сферы своего влияния в Ближневосточном регионе. В политическом контексте «дружеских отношений» между двумя Церквями не позволяет усомниться и пример американских миссионеров в Афинах, считавших кульминацией своей работы избрание на греческий престол в 1863 г. датского принца-лютеранина Георга I.

Похвальные отзывы Дж. Вильямса и Дж. Юнга о миссии в Греции пастора Дж. Хилла, характер которой не отличался от установок англо-прусской епископии в Иерусалиме, ставят под сомнение искренность намерений американских и британских участников переговоров, на что неоднократно указывали их российские участники. Неоднозначность целей англиканского присутствия на Востоке не могли содействовать успеху межконфессионального сближения и вызывали скепсис у православных иерархов.

Трезвая оценка православными иерархами намерений англо-американского проекта «о соединении Церквей» подтверждала актуальность намеченного МИДом и Св. Синодом курса на укрепление союза с Православными Патриархатами Востока. С другой стороны, участвовавшие в 1860-е гг. межконфессиональные контакты содействовали взаимному ознакомлению с учением, обрядами и традициями англиканской и православной

Церквей. Начатое при митрополите Филарете исследование основных догматических статей англиканского вероучения на предмет их соответствия канонам неразделенной Церкви способствовало росту взаимопонимания между представителями обеих конфессий, а изложенные Филаретом критерии православно-англиканского церковного общения не потеряли значения и сегодня.

Анализ архивных документов, относящихся к развитию межконфессиональных отношений в кон. 1850-х – нач. 1860-х гг., выявил тесную связь этого вопроса с проблемой церковного присутствия великих держав не только в Османской империи, но также в Соединенных Штатах Америки и Китае, когда перед российским правительством встал вопрос о формировании новой концепции церковного и дипломатического присутствия в Северо-Тихоокеанском регионе после Крымской войны. В этой связи последние главы исследования посвящены вопросам развития церковного присутствия России в Северо-Тихоокеанском регионе в 1840–1860-х гг.

В шестой главе **«От Русской Америки до Китая: перенесение кафедры Камчатско-Курильско-Алеутской епархии (1840–1850-е годы)»** рассмотрено развитие российского церковного присутствия в Северо-Тихоокеанском регионе. Первый параграф (**6.1. Миссия Иннокентия Камчатского**) посвящен проблемам русского миссионерского присутствия в Русской Америке до Крымской войны. В деятельности Русской Духовной Миссии в Русской Америке основное внимание уделено времени управления Миссией Иннокентия (Вениаминова). Православной христианизации коренного населения Русской Америки способствовало учреждение в декабре 1840 г. Камчатско-Курильско-Аляскинской епархии с кафедрой в Новоархангельске. Создание новой епархии оказалось в одном ряду с такими событиями, как воссоединение греко-католических епархий в западных областях Российской империи (1839), первые образовательные проекты в Святой Земле (нач. 1840-х гг.), запрет английской духовной миссии в Забайкалье на границе с Китаем (1840), что указывает на внимание правительства к укреплению православного присутствия в пограничных с Россией регионах. Программа Иннокентия предполагала расширение деятельности не только на острова и колонии Русской Америки, но и вглубь материка – с организацией самостоятельных миссионерских центров и объединением их в централизованную структуру.

Материальное обеспечение духовных потребностей русских колоний и православных миссионеров входило в обязанность Российско-Американской компании (указ от 8 июля 1799 г.), что ставило миссионерскую работу в Русской Америке и ее руководителя в зависимость от главных правителей компании. Первые годы епархиальной деятельности преосвященного Иннокентия пришлось на управление А. К. Этолина (1840–1845), предпочитавшего иметь дело не с архиереем, а благочинным, который был бы в полном подчинении правления РАК. Расхождение во взглядах на духовное и экономическое развитие русских владений привело к обострению отношений между церковным и светским начальством. Ситуация, в которой приходилось отстаивать интересы православия в Америке, была аналогичной той, которая имела место в Иерусалиме, где деятельность членов РДМ осуществлялась в условиях постоянного противостояния светских представителей. В конце 1840-х гг.

Иннокентию пришлось поставить вопрос о перенесении архиерейской кафедры из Новоархангельска в Аян, что совершилось в 1850 г. Духовная Миссия была оставлена на попечение иеромонахов и миссионеров, что означало ослабление православного присутствия в регионе. С другой стороны, миссионерские труды архиепископа Иннокентия среди коренного населения Дальнего Востока и Якутии изменили границы епархии – указом Св. Синода от 26 июля 1852 г. к ней была присоединена Якутская область с перемещением архиерейской кафедры в Якутск. Управление Иннокентием приходами в русских американских колониях осуществлялось с того времени с азиатской территории империи.

Во втором параграфе (**6.2. «Китайский вектор» российское политики**) прослежены механизмы формирования позиции России в отношении дальневосточных территорий в 1840–1850-е гг. Осложнение ситуации на Дальнем Востоке в начале 1840-х гг., вызванное колониальной политикой держав в Северо-Тихоокеанском регионе и незащищенностью населения Сахалина и русского Дальнего Востока от иностранного влияния, выдвинуло на передний план задачи укрепления позиций России в Дальневосточном регионе. Однако соответствующие инициативы адмирала Е. В. Путятина, генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, руководителя Амурской экспедиции капитана 1 ранга Г. И. Невельского вплоть до начала Крымской войны неизменно сталкивались с сопротивлением Особого Комитета по дальневосточным делам. В январе 1852 г. последовал отказ и на ходатайство архиепископа Иннокентия об учреждении Русской Духовной Миссии среди гиляков. Ситуация изменилась лишь с началом Крымской войны, когда ввиду угрозы англо-французской экспансии на Дальнем Востоке, была признана необходимость в экстренном укреплении дальневосточных рубежей.

На фоне растущей напряженности в англо-китайских отношениях встал вопрос об учреждении российской дипломатической миссии в Пекине. В 1854 г. руководство Министерства иностранных дел возложило функции высшей дипломатической инстанции в отношениях с Цинской империей на штаб Н. Н. Муравьева. Ему же поручалась координация работы Русской Духовной Миссии в Пекине. В условиях назревавшего в Китае военного конфликта МИД рекомендовал Муравьеву добиваться от китайского правительства разрешения на пребывание в Пекине не духовного, а дипломатического представительства России. Согласно новой инструкции МИД («Записка о новых сношениях с Китаем», 1854), предполагалось не только отстранение Пекинской РДМ от ее дипломатических обязанностей, но фактически ее закрытие, что позволяет говорить об изменении отношения к Духовной Миссии в дипломатическом ведомстве, недооценивавшем важность русского церковного присутствия в китайской столице. Лишь благодаря вмешательству императора Русская Духовная Миссия в Пекине в течение последующих лет оставалась важным звеном в дипломатических отношениях между двумя правительствами.

В то самое время, когда МИД готов был отказаться от церковного присутствия в Пекине, на повестку дня был поставлен вопрос о христианизации приамурского населения. В сентябре 1854 г., в ответ на частые просьбы местного населения об обращении в православие, Муравьев предложил передать места, занятые Амурской экспедицией, в епархиальное управление

Иннокентия Камчатского. Учитывая экстраординарную ситуацию военного времени и удаленность высшей духовной власти, Иннокентий согласился принять в свое ведение «новозанятые места на устье Амура» до получения предписания Св. Синода, поручив миссионерские обязанности своему сыну, священнику Амурской экспедиции о. Гавриилу Вениаминову. При содействии главы Морского министерства великого князя Константина Николаевича синодальное определение по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири и преосвященного Иннокентия в декабре 1854 г. получило Высочайшее утверждение. Было получено и разрешение Морского министерства на привлечение к миссионерскому делу капелланов тихоокеанского флота. Принятые постановления положили начало миссионерской работе среди приамурского населения до официального вхождения Приамурья в состав Российской империи и послужили важным шагом для распространения православия не только на русском Дальнем Востоке, но и во всем Северо-Тихоокеанском регионе. Однако реализация этих мер стала возможна лишь после Крымской войны, при новом правительстве и в новых внешнеполитических обстоятельствах.

В третьем параграфе (**6.3. Новые планы: перенесение епархиальной кафедры на Амур**) рассматривались совместные усилия церковных и светских дипломатов по включению в состав России Приамурья и Приморья и расширению русского церковного присутствия в Дальневосточном регионе (1856–1860). Экспансионистская политика Великобритании и Франции в середине 1850-х гг. привела к пересмотру церковно-дипломатической стратегии Российской империи не только на Ближнем, но и на Дальнем Востоке, где в качестве приоритетных направлений рассматривались вопросы развития русско-китайских отношений, юридического оформления русско-китайской границы, христианизации населения Приамурья и Приморья в целях его интеграции в социокультурное пространство Российской империи.

По итогам сплава по Амуру в составе экспедиции Н. Н. Муравьева (1856) архиепископ Иннокентий составил проект административного переустройства Камчатской епархии (1857) в предположении, что епархиальная кафедра будет перенесена в станицу Усть-Зейскую (впоследствии г. Благовещенск) как важный военно-административный центр. Определением Св. Синода от 11 января 1858 г. были учреждены два викариатства Камчатской епархии – Якутское и Новоархангельское. С новым перенесением кафедры для русских миссионеров открывались обширные перспективы в Приамурье и Приморье, а также в Маньчжурии и Корее, о необходимости миссионерской работы в которых Иннокентий писал еще в 1843 г.

Новое церковно-административное устройство Камчатской, Курильской и Алеутской епархии было непосредственно связано с дипломатическими переговорами о разграничении между Китаем и Россией по Амуру, в которых принимали участие и представители Русской Церкви. В присоединении Приамурья Иннокентий видел решение прежде всего стратегических задач. Еще в 1853 г. он указывал на опасность промедления в решении вопроса о границе по Амуру, предупреждая, что «американцы или англичане немедленно

завладеют им и уже не будут так вежливы с соседями нашими»⁸. Его мнение разделял и митрополит московский, допускавший вероятность проникновения иностранных миссионеров в Приамурье с целью «распространения здесь своих действий, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных и государственных видов»⁹.

В течение нескольких лет, в условиях острой конкуренции с западной дипломатией, были подписаны российско-китайские трактаты, которые не только обеспечили выход России к Тихому океану, но значительно расширили права Русской Духовной Миссии в Пекине. По настоянию Путятина в Тяньцзиньский трактат были внесены статьи, благоприятствующие делу православной проповеди среди китайцев. Вслед за подписанием русско-китайского договора в Тяньцзине были заключены договоры с Китаем Великобританией, Францией и США, послужившие активизации деятельности католических и протестантских миссий.

В седьмой главе «**Новая концепция русского присутствия в Китае**» рассматривается стратегия церковно-дипломатического взаимодействия российских представительств в Китае после заключения русско-китайских договоров 1858 и 1860 гг. В силу тесной связи задач русского присутствия с миссионерской активностью западных держав, в первом параграфе (**7.1. Конфессиональная политика великих держав в Китае**) представлен анализ целей и приемов инославной пропаганды в Китае. Как и в других регионах, Франция, Великобритания и США использовали христианские миссии в Китае в качестве важного политического инструмента. В целях политического проникновения в Китай и подготовки миссионерских кадров основное внимание миссионеров было обращено на переводческие и образовательные проекты. До открытия в Китае иностранных дипломатических представительств миссионеры зачастую совмещали церковные и дипломатические функции, выступая в качестве переводчиков и советников в переговорах с цинским правительством.

Если усилия французских миссионеров, по их собственному признанию, были направлены на обращение в католицизм самого богдыхана, то цели британских политиков были аналогичны тем, которые имелись в виду при учреждении в 1841 г. протестантской епископии в Иерусалиме, а именно создание «английской нации посредством перемены религии жителей». О политических намерениях англичан свидетельствует масштабный проект Лондонского миссионерского общества, рассчитанный на окружение Китая «кольцом» британских миссий. До 1842 г., когда Китай был закрыт для западных держав, были основаны миссии в Макао, Гонконге, на островах Юго-Восточной Азии (проект «Ультра Гангз Миссия»), а также на территории Российской империи, где вблизи китайской границы действовала Забайкальская английская миссия (1817–1840), созданная, по замыслу Лондонского миссионерского общества, в качестве форпоста для проникновения в Китай в целях британской

8 Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: Фирма Алесь, 1997. С. 322.

9 Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. 4. С. 376.

колониальной стратегии. На долгосрочные цели подобных проектов указывает тот факт, что Общество старалось сохранять миссии, даже несмотря на их весьма сомнительную эффективность.

Летом 1858 г. адмирал Е. В. Путятин, возглавлявший дипломатическую миссию в Китай, представил на имя великого князя Константина Николаевича рапорты с обзором деятельности инославных миссий, не прекращавших работы во время второй опиумной войны не только в портовых городах, но и во внутренних провинциях Китая. К сожалению, русские дипломаты, пытавшиеся найти место православному миссионерству в общей политической работе, не всегда понимали специфику конфессиональных отношений и церковной дипломатии. Так, граф Путятин предлагал объединить усилия православных миссионеров с католиками или отказаться вовсе от участия в миссионерском деле. Тем не менее рапорты Путьятина инициировали ответные меры российского правительства по развитию миссионерского присутствия в Китае.

В следующих параграфах (**7.2. Реорганизация Русской Духовной Миссии в Пекине (1850–1860-е годы)** и **7.3. Инструкция церковно-дипломатической работы в Китае**) прослеживаются меры МИДа и Святейшего Синода по выработке принципов взаимодействия Русской Духовной Миссии и российского консульства в Пекине.

Решающую роль в развитии православного миссионерства в Китае сыграл отзыв московского митрополита Филарета, предложившего начать дело православной проповеди в Китае как со стороны границы, так и в Пекине с привлечением Пекинской РДМ. В 1859 г. были разработаны и переданы в Пекин с посольством Н. П. Игнатьева «Дополнения к действующей инструкции РДМ», позволявшие вести планомерную работу среди китайцев. В деле укрепления миссионерского присутствия в Китае, как и в Святой Земле, принимала участие императрица Мария Александровна, выделявшая значительные средства на устроенное при Миссии по инициативе Игнатьева православное женское училище.

После подписания Пекинского трактата (1860) руководство Министерства иностранных дел вплотную приступило к выработке инструкции для РДМ и консульства в Пекине, в основу которой был положен проект Н. П. Игнатьева, предполагавший увеличение срока пребывания миссионеров в Китае, устройство школы, больницы, привлечение к миссионерской работе обращенных в православие китайцев. Центральным пунктом инструкции был вопрос о штате и статусе РДМ. При реорганизации Пекинской Миссии принимался во внимание опыт Русской Духовной Миссии в Иерусалиме – МИД считал целесообразным назначение главой Миссии архиерея для оказания влияния на распространение Православия в Китае. С пользой назначения в Пекин русского епископа были согласны первоприсутствующий в Св. Синоде митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) и начальник Пекинской РДМ архимандрит Гурий (Карпов). Их позиция была обусловлена спецификой конфессиональной ситуации в Китае, где в отличие от Святой Земли не было православного населения и миссионерам после подписания трактатов предоставлялась большая свобода.

Другими наиболее обсуждаемыми вопросами были статьи инструкции о распределении обязанностей между главой Духовной Миссии и российским

посланником и их взаимодействии, где также был учтен иерусалимский опыт. Для избежания конфликтов между светскими и церковными представителями МИД предлагал разделить их функции «на тех же основаниях, какие существуют для Духовной Миссии нашей в Иерусалиме»¹⁰.

5 ноября 1863 г. Государственный Совет утвердил новый штат РДМ в Пекине, признав «удобнейшим» оставить во главе Миссии архимандрита, не исключая повышения статуса начальника в будущем. Решающее влияние на финальную версию инструкции штатов РДМ и консульства в Пекине оказала ситуация в Иерусалиме, где начальник Миссии епископ Кирилл (Наумов) определением Св. Синода от 19–21 июня 1863 г. был смещен со своего поста с назначением на его место архимандрита. Окончательное разделение функций между духовной и дипломатической миссиями в Пекине совершилось после Высочайшего утверждения инструкции и вступило в силу лишь в 1865 г. с прибытием в Пекин нового состава РДМ. Итогом совместной работы МИДа и Св. Синода стало преобразование Пекинской РДМ в миссионерское представительство Русской Церкви, а сформулированные в инструкции положения определили деятельность русских учреждений в Пекине на последующие десятилетия. Взаимовлияние Русских Духовных Миссий в Иерусалиме и Пекине, проанализированные в контексте совместных усилий МИДа и Св. Синода, позволяют говорить об универсальности механизмов принятия решений по российскому церковному присутствию за рубежом.

В восьмой главе «**Учреждение русской епархии в Северной Америке**» подводятся итоги миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Северо-Тихоокеанском регионе в 1840–1860-х годах. В первом параграфе (8.1. «**Да скажет Россия: надобно!**»: к истории православия в Калифорнии) показано влияние конфессиональной ситуации в Калифорнии на учреждение Алеутско-Аляскинской епархии с кафедрой в Сан-Франциско (1870) – первой епархии Русской Православной Церкви в Северо-Американских Соединенных Штатах. В октябре 1862 г. на обсуждение Генеральной Конвенции Протестантской Епископальной Церкви в Америке был вынесен вопрос о православной общине в Сан-Франциско, численность которой достигла несколько сотен человек. Перспективы устройства в Сан-Франциско православной церкви и назначения русского епископа вызвали опасение американского духовенства, а об их реальности свидетельствовали такие меры российского правительства как назначение епископа главой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1857), образование викарной епархии в Русской Америке с кафедрой в Новоархангельске (1858), обсуждение вопроса о назначении епископа на пост главы РДМ в Пекине (1860–1863). Ситуация в Сан-Франциско послужила поводом к началу англикано-православного диалога о «воссоединении Церквей», в пользу которого приводился и такой аргумент, как возможность замены американских капелланов на Амуре православным духовенством.

При подготовке отношения Св. Синода в МИД и Морское министерство митрополит Филарет (Дроздов) разделил американские предложения на два

¹⁰ Горчаков А. М., князь. Проект о преобразовании Русской Духовной Миссии в Пекине. С.-Петербург, 21 октября 1861 г. // НИОР РГБ. Ф. 316. К. 20. Ед. хр. 44. Л. 5об.–6.

отдельных вопроса, с одной стороны, отметив необходимость выработки критериев англикано-православного сближения, с другой – поддержав предложение об устройении храма в Сан-Франциско: «Дело само за себя говорит что надобно. Да скажет Церковь Российская: надобно! Да не падет слово на землю бесплодно»¹¹. В 1864 г. в МИДе и Св. Синоде были приняты соответствующие решения, однако политические обстоятельства того времени (гражданская война в САСШ и совершившаяся в 1867 г. уступка Соединенным Штатам российских колоний в Америке) не позволили реализовать уже принятое решение.

После заключения договора об уступке российских колоний в Америке Соединенным Штатам (18 апреля 1867 г.) архиепископ Иннокентий (Вениаминов), опираясь на решение Синода 1864 г. и достигнутые тогда же дипломатические договоренности предложил учредить новую епархию с кафедрой в Сан-Франциско. Проект Иннокентия лег в основу синодального определения об учреждении Новоархангельской и Алеутской епархии, получившего 30 мая 1869 г. Высочайшее утверждение. 12 января 1870 г. епархия была переименована в Алеутско-Аляскинскую. Несколько ранее, в сентябре 1868 г., последовало Высочайшее разрешение на открытие всероссийской подписки на устройство православного храма в Сан-Франциско. Церковь, строительство которой началось с приездом к месту служения первого Алеутско-Аляскинского епископа Иоанна (Митропольского), была построена в 1874 г., десять лет спустя после филаретовского «надобно».

Во втором параграфе (**8.2. Специфика православных и инославных духовных миссий**) показаны особенности Русских Духовных Миссий в Иерусалиме, Пекине и Русской Америке как различных типов русского церковного представительства. Специфика работы Русских Духовных Миссий – уникальных православных анклавов среди языческого (как в Китае и Америке) или мультиконфессионального (как в Святой Земле) населения – определялась особенностями этнического и конфессионального состава населения, политической и религиозной ситуации в регионе. Так, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме находилась в канонических пределах Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов. Не являясь миссионерским учреждением, Иерусалимская Миссия выполняла функции представительства Всероссийского Святейшего Синода при Иерусалимском Патриархе. Русская Духовная Миссия в Пекине до открытия российского консульства в 1861 г. выполняла роль дипломатического представительства, ее духовная деятельность распространялась только на албазинскую диаспору, а планомерное миссионерское служение началось лишь в конце 1850-х гг. при преобразовании ее в миссионерское учреждение. Если неправомерно было бы говорить об учреждении российской епархии в Османской империи (в Иерусалиме, Константинополе или Бейруте, т. е. в границах распространения юрисдикции Восточных Патриархатов), то в Китае и Японии Россия, как и другие державы, не имела препятствий к учреждению своих епархий, что и было осуществлено сначала в Японии (1880), а затем и в Китае (1902). В Русской Америке деятельность православных миссионеров осуществлялась в границах

11 РГИА. Ф. 797. Оп. 33. Ст. 3. Отд. 2. Ед. хр. 247а. Л. 297об.

стандартной епархиальной структуры Русской Православной Церкви и носила традиционный миссионерский характер, продолжая колониальную политику России в Восточной Сибири.

В работе православных и инославных миссионеров имелись принципиальные различия. Если западное миссионерство опиралось на *цивилизационный* принцип, стремясь привнести свои нравственные ценности, религию, образ жизни, то деятельность Русских Духовных Миссий основывалась на принципе *церковном* – русские миссионеры приобщали местное население к духовно-нравственным основам православной жизни, не навязывая цивилизационных стереотипов, что не могло не сказаться на конечном результате. Среди общих факторов, определяющих эффективность миссионерской работы, выделены прежде всего способность координировать работу на дальних рубежах, дипломатическая и материальная поддержка, понимание роли духовного присутствия в геополитически важных регионах.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

В исследуемом интервале 1840–1860-х гг. выделены два этапа, отличающиеся особенностями внешнеполитического курса России, дипломатической и миссионерской активностью великих держав. В работе показано, что в первый, предкрымский, период (1840 – сер. 1850-х гг.) российское правительство не проявило достаточного понимания геополитических реалий ни в Ближневосточном, ни в Северо-Тихоокеанском регионах, куда в 1840-е годы были устремлены политические, экономические и религиозные интересы ведущих западных держав. К концу первого этапа, несмотря на ряд позитивных мер, церковное присутствие России в указанных регионах не только не получило должного развития, но оказалось практически остановленным. Второй этап (сер. 1850-х – кон. 1860-х гг.) отличался принципиально изменением приоритетов правительства России в отношении укрепления духовного и политического фактора во внешней политике.

Исследование церковно-дипломатического взаимодействия российских ведомств на Ближнем Востоке, в Китае и Северной Америке свидетельствует о постоянном взаимоучете опыта работы и эффективности комплекса правительственных мер, направленных на формирование русского присутствия за рубежом.

Церковная политика России на Ближнем и Дальнем Востоке, несмотря на их региональную, конфессиональную и политическую специфику, осуществлялась по близким схемам – при тесном взаимодействии Министерства иностранных дел и Святейшего Синода с использованием специализированных церковно-дипломатических представительств – Русских Духовных Миссий, служивших универсальным инструментом российской политики.

Российская конфессиональная политика была преимущественно реактивной — расширение зарубежного русского церковного присутствия в Святой Земле и цинском Китае каждый раз являлось ответом на миссионерскую активность западных держав. Так, в Иерусалиме Русская Духовная Миссия была учреждена в 1847 г., после открытия в 1841 г. англо-прусской епископии; возобновление в 1857 г. Иерусалимской РДМ и реформирование в 1859–1863 гг. Пекинской РДМ последовало в качестве ответной меры на успехи католиков и

протестантов.

Несмотря на неизбежные сложности и недостатки в организации работы, можно говорить о сложившейся к середине 1860-х гг. системе межведомственных отношений, когда МИД и Синод совместно координировали работу русских представительств за рубежом, вырабатывая оптимальную и безопасную с точки зрения внешних угроз и внутренних нестроений стратегию их взаимодействия. К концу первого десятилетия после Крымской войны Россия официально закрепляет свое церковное присутствие в Святой Земле, Китае и США с обнадеживающими перспективами его дальнейшего развития. В результате усилиями российских светских и церковных дипломатов на базе ключевых опорных центров формируется фронт противодействия и сдерживания политического проникновения Великобритании, Франции и США, воспринимавших эти регионы в качестве органичного ареала своего влияния.

Поскольку схемы религиозно-гуманитарного проникновения западных держав в те или иные регионы, как и механизмы взаимодействия дипломатических и церковных структур, остаются практически неизменными, то при выработке общей линии российского присутствия в традиционных зонах влияния необходимо учитывать весь наработанный как положительный, так и отрицательный опыт работы в церковно-дипломатической и межконфессиональной сфере.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах

Публикации в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Смирнова И. Ю.* Отношения Российской и Иерусалимской Церквей в 30-е годы XIX столетия по документам архива А. Н. Муравьева // *Религии мира. История и современность.* 2005. М., 2007. С. 169–179. (0,8 п.л.).
2. *Лисовой Н. Н., Смирнова И. Ю.* Российская дипломатия и избрание Восточных Патриархов // *Российская история.* М., 2009. № 1. С. 5–25. (2,2 п.л.; авт. вклад – 1,1 п.л.)
3. *Смирнова И. Ю.* Церковно-дипломатические отношения России и Иерусалимского Патриархата в первое десятилетие после Крымской войны // *Вестник ЧелГУ.* Челябинск, 2009. Вып.29. № 4. С. 101–108. (0,7 п.л.).
4. *Смирнова И. Ю.* Фонд А. Н. Муравьева в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и его востоковедческий потенциал // *Отечественные архивы.* № 4. 2009. С. 54–64. (0,8 п.л.).
5. *Смирнова И. Ю.* Митрополит Московский Филарет и контакты с представителями западных конфессий в середине XIX в.: по документам российских архивов // *Отечественные архивы.* № 4. 2010. С. 28–33. (0,5 п.л.).
6. *Смирнова И. Ю.* К вопросу о западных влияниях в гомилетике святителя Московского Филарета (размышления над «Келейными записками» Святителя) // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом.* Вып. 3. 2010. С. 224–240. (1,7 п.л.).
7. *Смирнова И. Ю.* К вопросу об истории развития межцерковных контактов в середине XIX века (по материалам российских архивов) //

- Дипломатическая служба. 2011. № 2. С. 35–39. (0,6 п.л.).
8. *Смирнова И. Ю.* Межконфессиональный «треугольник»: к истории церковной дипломатии России, Франции и Англии в Святой Земле (30-е годы XIX в.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Вып. 1. 2011. С. 66–91. (2,5 п.л.).
  9. *Смирнова И. Ю.* О богословском значении эпистолярного наследия святителя Филарета // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Вып. 3. С. 51–60. (1,2 п.л.).
  10. *Смирнова И. Ю.* К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Вып. 4. С. 365–387. (2,5 п.л.).
  11. *Смирнова И. Ю.* Письменные источники по истории первой русской епархии в Северной Америке: московские святители Филарет и Иннокентий и Православная Церковь в Калифорнии // Отечественные архивы. № 4. 2012. С. 40–50. (0,9 п.л.).
  12. *Смирнова И. Ю.* Конфессиональные перекрестки Святой Земли: англо-американское религиозное присутствие в свете российской политики XIX в. // Дипломатическая служба. 2012. № 6. С. 45–53. (0,6 п.л.).
  13. *Смирнова И. Ю.* Поездка британского посла в Константинополе Стрэтфорда Каннинга на Афон (1850 г.) в документах Архива внешней политики Российской империи // Отечественные архивы. – 2013. – № 4. – С. 53–60. (0,6 п.л.).
  14. *Лисовой Н. Н., Кроза Д., Смирнова И. Ю., Микилева М. А.* Проект двух императоров: Россия и Франция в Святой Земле // Российская история. 2013. №6. С. 65–86. (2,0 п.л.).
  15. *Смирнова И. Ю.* Архивные документы о российско-американских церковно-дипломатических контактах на Ближнем Востоке в 1840-е гг. // Отечественные архивы. №4. 2015. С. 46–52. (0,9 п.л.).
  16. *Смирнова И. Ю.* Межконфессиональные контакты России и Великобритании в 1840–1860-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2016. Выпуск 2 (46) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001411-1-1> (дата обращения: 14.06.2016). DOI: 10.18254/S0001411-1-1. (0,5 п.л.).
  17. *Смирнова И. Ю.* К истории межконфессиональных связей: митрополит Филарет и англикано-православный диалог (1840–1860-е гг.) // Przegląd Wschodnioeuropejski. Ольштын, 2015. С. 27–39. (0,7 п.л.).
  18. *Смирнова И. Ю.* Документы российских архивов по истории преобразования Русской Духовной Миссии в Пекине (1860–1864 гг.) // Отечественные архивы. № 4. 2016. С. 48–56. (0,7 п.л.).
  19. *Смирнова И. Ю.* Митрополит Московский Филарет и российская церковная политика в Восточной Сибири // Przegląd Wschodnioeuropejski Ольштын, 2017. Вып. VIII/1. С. 45-58. (0,8 п.л.).

Монографии:

20. *Смирнова И. Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2014. 456 с. (28,5 п.л.).

21. *Смирнова И. Ю.* Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Изд-во Индрик, 2015. 395 с. (12,5 п.л.).
22. *Лисовой Н.Н., Смирнова И. Ю.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: Нестор-История, 2015. 776 с. (51 п.л.).
23. *Смирнова И. Ю.* Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2016. 591 с. (37 п.л.).

Другие научные публикации по теме диссертации:

24. *Смирнова И. Ю.* Письма К. М. Базили как источник по истории связей России с Православным Востоком в 1830–1840-е гг. // Православный Палестинский сборник (далее – ППС). Вып. 103. М., 2005. С. 21–42. (1,5 п.л.).
25. *Смирнова И. Ю.* Митрополит Московский Филарет (Дроздов) и русская церковная политика на Православном Востоке // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Вып. 2. 2009. С. 164–180. (1,8 п.л.).
26. *Смирнова И. Ю.* Церковно-дипломатические отношения России с Иерусалимским и Антиохийским Патриархатами // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Вып. 4. 2009. С. 256–268. (1,8 п.л.).
27. *Смирнова И. Ю.* Возобновление Русской Духовной Миссии после Крымской войны // Русская Палестина. Россия в Святой Земле / Материалы Международной научной конференции. СПб., 2010. С. 240–252. (0,9 а.л.).
28. *Смирнова И. Ю.* Кирилл II, Патриарх Иерусалимский и его деятельность по новым архивным материалам // ППС. Вып. 107. М., 2011. С. 141–178. (2,7 п.л.).
29. *Смирнова И. Ю.* Россия и Православный Восток в первые годы после Крымской войны // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д. Д. Смышляева. Пермь, 2012. С. 74–90. (0,9 п.л.).
30. *Смирнова И. Ю.* В. Н. Хитрово и исследование протестантского религиозного присутствия в Святой Земле // Сборник материалов конференции «ИППО–130-летие». М., 2012. С. 119–132. (1,0 п.л.).
31. *Лисовой Н.Н., Смирнова И. Ю.* Православное востоковедение: предмет, проблемы, перспективы // Евразия: духовные традиции народов. 2012. №1. С. 252–257. (0,6 п.л.) (авт. вклад – 0,3 п.л.).
32. *Смирнова И. Ю.* Антиохийская Церковь при Патриархе Мефодии (1830–1850) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. №3. С. 135–151. (1,9 п.л.).
33. *Смирнова И. Ю.* Полемика о «присоединении инославных» и ее церковно-дипломатическое значение в канун Крымской войны (1850–1852) // Евразия: духовные традиции народов. 2013. №4. С. 108–131. (2,7 п.л.).
34. *Смирнова И. Ю.* Петербург–Москва–Иерусалим: миссия архимандрита Порфирия (Успенского) // ППС. 109. М., 2014. С. 69–116. (1,5 а.л.)
35. *Смирнова И. Ю.* Архимандрит Антонин (Капустин) и пастор Джордж Вильямс: к истории православно-англиканских контактов в Святой Земле // ППС. Вып. 110. 2014. С. 215–226. (0,6 п.л.).
36. *Смирнова И. Ю.* Англо-американское миссионерское присутствие в

- Святой Земле и на Ближнем Востоке в сер. XIX в. (англикано-православный аспект) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М.–Иерусалим, 2016. (под ред. К.А. Ваха). С. 61–91. (1,5 п.л.).
37. *Смирнова И. Ю.* Рим – Петербург – Иерусалим: религиозное присутствие в Святой Земле в XIX в. // От Рима к Третьему Риму. Миграции. Формирование Российского государства: материалы Международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», 2010—2015 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2015. С. 263–276. (0,9 п.л.).
38. *Смирнова И. Ю.* Митрополит Филарет (Дроздов) и его ранние контакты с протестантскими миссионерами // Церковь в истории России. Вып. 10. М., 2015. С. 39–79. (2,0 п.л.).
39. *Смирнова И. Ю.* Из истории российско-американских церковных контактов (1860-е гг.) // Американский ежегодник. 2015. М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2016. С. 310–318. (0,5 п.л.).
40. *Смирнова И. Ю.* Церковно-дипломатический аспект русско-китайских отношений в середине XIX в. // Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения. М.: Изд-во ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс, 2016. С. 212–221. (0,5 п.л.).
41. *Смирнова И. Ю.* Архимандрит Антонин (Капустин) и церковная дипломатия на Христианском Востоке (1850–1860-е гг.) // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина) / Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Далматово, 12–13 мая 2016 г. Далматово, 2016. С. 179–184. (0,5 п.л.).
42. *Смирнова И. Ю.* Реформирование Русской Духовной Миссии в Пекине (1861–1864) в контексте конфессионального присутствия великих держав в Китае // Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы исследования. М.: Изд-во ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс, 2016. С. 155–156. (0,1 п.л.)
43. *Смирнова И. Ю.* Британское присутствие в Святой Земле во второй трети XIX в. по материалам архивов Великобритании // ППС. Вып. 112. М., 2016. С. 172–181.
44. *Смирнова И. Ю.* Русский Афон в переписке митрополита Филарета и А.Н. Муравьева // ППС. Вып. 112. М., 2016. С. 351–386. (0,6 п.л.).
45. *Смирнова И. Ю.* «Да скажет Россия: надобно»: к истории православной миссии в Северо-Тихоокеанском регионе // Святитель Иннокентий (Вениаминов) и научно-просветительская деятельность православного духовенства в Сибири и на Дальнем Востоке XIX – начала XX века. – Иркутск: ИОГУНБ, 2017. – С. 18–33. (0,8 п.л.).
46. *Смирнова И. Ю.* Конфессиональная политика великих держав на Христианском Востоке в 1850-1860-е гг. // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. №1. С. 91-110 (1,0 п.л.).